

А. В. ШАМАНАЕВ

**УЧАСТИЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ СВ. ВЛАДИМИРА
В РАСКОПКАХ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА (1876–1887) В ДОКУМЕНТАХ 1887 ГОДА**

История археологических раскопок Херсонеса представляет не меньший интерес, чем сам этот уникальный памятник. Она прекрасно иллюстрирует развитие российской археологии как научной дисциплины, изменения форм организации археологических исследований и мер по охране памятников археологии. В связи с этим большое значение имеет детальное изучение всех аспектов и деталей этой многогранной деятельности.

С начала раскопок Херсонесского городища в 1827 г. и до 1888 г. изучение памятника осуществлялось представителями разных учреждений и организаций: военного ведомства, министерства императорского двора, Одесского общества истории и древностей (ООИД), Русской православной церкви. В 1888 г. исследования были полностью переданы в ведение Императорской Археологической комиссии (Юргевич 1886: 56–57; Бертье-Делагард 1893: 9–11; Бобринский 1905: 175–178; Иванов 1912: 170–176; Гриневич 1927: 9–23; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 18–28; Тункина 2002: 479–536).

В течение многих лет непосредственное отношение к раскопкам и охране памятника имели служители кинонии, впоследствии монастыря св. Владимира, располагавшегося на территории городища (1852–1923). Так, еще в 1852–1853 г. настоятель кинонии иеромонах о. Василий по поручению архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (И. А. Борисова) производил исследования с целью выявления остатков церкви Богородицы, в которой, согласно Повести временных лет великий киевский князь Владимир принял крещение (Тункина 2002: 526). В 1860 г. о. Евгений, возглавлявший в обитель с 1857 по 1874 г., организовал археологические раскопки на месте строительства собора во имя св. князя Владимира (Мурзакевич 1863: 996–997; Тункина 2002: 533; ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 5).

С 1876 по 1886 г. раскопки Херсонеса проводились под руководством Одесского общества истории и древностей на средства, выделявшиеся Синодом, а с 1881 г. — Министерством народного просвещения с участием настоятелей,

казначеев и специально назначенных монахов монастыря (Юргевич 1886: 57; Гриневич 1927: 19–21). В 1884 г. Одесское общество передало практическое руководство раскопками монастырю, сохранив за собой функции научного куратора исследований (Императорское Одесское общество... 1885: 108–109; ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 225–225 об., 228).

Принципиальные изменения в организации исследовательских работ в Херсонесе произошли в 1887–1888 г. В 1887 г. председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова обратилась к Александру III с письмом, в котором резко критиковала деятельность Одесского общества и монастыря св. Владимира по осуществлению раскопок в Херсонесе. В дело вмешалась Императорская Археологическая комиссия, председателю которой графу А. А. Бобринскому удалось добиться запрета проводить раскопочные работы монастырским служащим и передачи исследований под совместный контроль Одесского общества и Археологической комиссии. С 1888 г. от участия в раскопках было отстранено и ООИД (Гриневич 1927: 23; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 25–26).

В Государственном архиве города Севастополя сохранился фонд монастыря св. Владимира, в том числе документы, характеризующие археологические исследования и меры по охране Херсонесского городища (Государственный архив... 2000: 14; Шаманаев 2004: 251–261). Интерес представляет документальный комплекс, связанный с запрещением монастырю осуществлять раскопки в 1887 г.

Первый, по дате, документ представляет собой копию распоряжения от 24 июня 1887 г. на имя епископа Таврического Мартиниана, подписанное обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым. В нем извещается, что «Министр Народного Просвещения известил меня, что он входил со всеподданнейшим к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ докладом о предположениях ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Археологического общества касательно мер к сохранению остатков древняго Херсониса, каковыя предположения ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО удостоил предварительного ВЫСОЧАЙШАГО одобрения. При сем, по поводу того, что означенным докладом Статс Секретаря Делянова предполагалось, между прочим, объявить, что производство дальнейших раскопок на местности древняго Херсониса строго воспрещается и будет преследуемо». По поводу это указания, дано уточнение, что касается оно служителей монастыря: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВЫСОЧАЙШЕ повелеть изволил: «Теперь же строго запретить монашествующим производить раскопки и продавать найденныя вещи» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 295).

Можно предположить, что полученное распоряжение было неожиданным для главы Таврической епархии, поскольку в резолюции, наложенной епископом Мартинианом 6 июля 1887 г., содержится указание настоятелю Херсонесского монастыря: «так как предположение о воспрещении производить дальнейшия раскопки в поименованном монастыре вызвана, как видно из содержания этого отношения докладом ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго общества, то для разъяснения недоумения в этом предположении, не бесполезно бы было о. Архимандриту просить это общество указать на причину доклада Г-на Статс-Секретаря Делянова о строгом воспрещении раскопок в местности древняго Херсониса» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 295 об., 298).

Кроме того, епископ предписал немедленно известить настоятеля монастыря св. Владимира архимандрита Иннокентия о полученном запрете осуществлять раскопки, а также потребовал от него представить сведения для доклада К. П. Победоносцеву: «1, производились ли когда нибудь в местности Херсонисскаго монастыря раскопки остатков древняго Херсониса монашествующими этого монастыря, 2., если производились, то под чьим наблюдением, 3., продавались ли братиею этой обители найденныя вещи» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 298).

Содержание распоряжения Синода и указания епископа Таврического были доведены до настоятеля монастыря св. Владимира архимандрита Иннокентия указом Таврической духовной консистории № 3934 от 6 июля 1887 г. (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 294–294 об.).

Почти одновременно с этими документами настоятель получил распоряжение севастопольскаго градоначальника от 8 июля 1887 г. Его текст представляет особый интерес, так как он содержит подробное изложение обстоятельств дела. После обращения П. С. Уваровой к Александру III, император повелел рассмотреть факты, содержащиеся

в ее письме министру народного просвещения И. Д. Делянову. Вероятно привлечение министра народного просвещения, а не председателя Императорской археологической комиссии, занимавшейся надзором за археологическими раскопками на территории империи, было связано с тем, что именно это ведомство финансировало исследования Херсонеса (Гриневич 1927: 21). Для подготовки записки императору он действовал совместно с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и председателем Русского археологического общества А. Ф. Бычковым (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286). Можно отметить, что А. Ф. Бычков, известный историк, археограф, нумизмат и археолог, академик, с 1874 г. был действительным членом Одесского общества истории и древностей (Летопись Общества... 1875: 363).

В результате рассмотрения жалобы П. С. Уваровой, И. Д. Делянов представил императору проект мер по сохранению и организации дальнейших исследований Херсонеса.

Прежде всего, было предложено «объявить, что производство раскопок на месте древняго Херсониса строго воспрещается и будет преследуемо». Напротив этого пункта записки Александр III сделал пометку «главное, чтобы действительно исполнялось» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286 об., 287). По-видимому, речь шла о запрещении, прежде всего, монастырю, так как еще в 1876 г. право осуществлять «все раскопки и розыски» было предоставлено «исключительно надзору Императорскаго Одесскаго Общества Истории и Древностей» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 21 об.). В тоже время, авторы записки высказали категорические возражения против предложения П. С. Уваровой о ликвидации монастыря, его преобразования в приходскую церковь и конфискации, выделенной ему земли на территории городища. Александр III, согласившись с возможностью сохранить монастырь, отметил «теперь же строго запретить монахам производить раскопки и продавать найденныя вещи» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 287, 288).

В тоже время, авторы записки выдвинули предложение о передаче раскопок под совместный контроль Императорской Археологической комиссии и Одесского общества истории и древностей. На эти организации предполагалось возложить обязанность «ежегодно, в определенное время, проводить раскопки в Херсонесе», а также разработать «меры к охранению открытых в Херсонесе остатков базилики и других древних зданий». По последнему предложению Александр III наложил резолюцию «представить мне заключение» (ГАГС. Ф.

19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286 об., 287, 288). Необходимо отметить, что в случае одобрения этих предложений императором, Одесское общество фактически утрачивало возможность самостоятельной деятельности в Херсонесе, так как министр народного просвещения «вменил бы Одесскому обществу истории и древности в обязанность употребить все зависящие от него средства для оказания помощи к приведению в исполнение *того плана действия, который будет начертан Императорскою Археологическою комиссиею*» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 287 об. *Курсив — А. Ш.*).

Интересно, что сумма расходов на осуществление мер по охране памятника не называлась, поскольку проект этих мер только планировалось поручить разработать ИАК. Расходы на проведение раскопок И. Д. Делянов оценил в 3–5 тысяч рублей в год (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 287). После того, как в 1888 г. исследования Херсонеса были переданы Археологической комиссии ежегодная субсидия на раскопки составила 4 тысячи, что, конечно, давало значительно больше возможностей руководителям работ, по сравнению с 1 тысячей, которую получало Одесское общество с 1876 г. (Иванов 1912: 172–173). Можно отметить, что в первый год раскопок ООИД было потрачено 503 рубля, что составило около 14% от общих расходов общества (3507,88 рублей), а в 1877 г. — 1509, соответственно 29% от 5198,22 рублей (Отчет Одесского общества... 1877 а: 25–27; Отчет Одесского общества... 1878: 25–26).

На средства, которые предполагалось выделять на исследования памятника, кроме того, должен был содержаться музей «для предметов, найденных в Херсонисе» под управлением «специалиста-археолога» и охраной из отставных военных (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286 об.-287).

Распоряжение от севастопольского градоначальника последовало в связи с тем, что исполнение резолюции императора на докладной записке И. Д. Делянова, в отношении запрета монастырю проводить раскопки, было возложено на временного Одесского генерал-губернатора, генерала от инфантерии Х. Х. Роопа. Он, в свою очередь, поручил непосредственное «принятие всех необходимых, по ближайшему усмотрению мер к точному и неуклонному исполнению вышеизложенного Высочайшего повеления» на севастопольского градоначальника (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 288–288 об.).

После получения документов из Таврической духовной консистории и градоначальника города, настоятель монастыря (архимандрит Иннокентий) счел нужным произвести письменный

опрос монахов, имевших, в разные годы, отношение к раскопкам. Уже 24 июля 1887 г. он направил соответствующие запросы наместнику монастыря иеромонаху о. Андрею, иеромонахам оо. Сергию, Василию, Агафодору, настоятелю Косьмо-Дамиановской киновии иеромонаху о. Иоанну. Содержание писем было одинаковым. Корреспондентам предлагалось ответить на несколько вопросов: 1) «с какого года и кем и под чьим наблюдением производились в Херсонисском монастыре раскопки древняго Херсониса»; 2) «не производились ли они лицами монашествующими или проживающими в монастыре на послушании и, если производились то с чьего ведома и под чьим наблюдением и каким именно»; 3) «не было ли замечено раскопок, произведенных тайно, без ведома монастырского начальства, или не тех лиц, коим поручено было производство раскопок»; 4) «все ли открытые в раскопках древние предметы церковного или домашнего обихода, монеты и другие древности поступили в Монастырский Музей»; 5) «не было ли взято каких-либо замечательных предметов лицами, заведовавшими производством раскопок для себя, или для представления в какое либо учреждение»; 6) «не было ли замечено тайной, или явной передачи монашествующими лицами каких либо замечательных предметов, и если было, то кто именно замечен был» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 291–291 об. и др.).

Содержание ответов различается, в зависимости от степени информированности авторов, деталям и точности. Так, наместник монастыря иеромонах о. Андрей сообщил 31 июля 1887 г.: «1-е, Раскопки в Херсонисском Монастыре с 1876 года производились по сношению Вице-Президента Одесского Археологического Общества Г. Мурзакевича и бывшим Настоятелем Монастыря Игуменом Анфимом, наемными людьми под моим наблюдением, но тайных раскопок замечено небыло. 2-е, Что находилось при раскопках из сосудов и монет и других предметов, то передаваемо было в местный Музей, о находках сообщено было в тоже время Вице-Президенту Г. Мурзакевичу. С 1879 года по болезни я находился в отсутствии до 1882 года. В то время за раскопками наблюдали разные лица: Иеромонах Иоанн ныне настоятель Косьмо-Дамиановской Киновии, Иеродиакон Феодорит переведенный в Кишинеvскую Епархию, Иеромонах Василий, иеромонах Агафодор и 3-е Что же касается до явной продажи находимых предметов Монашествующими и Послушниками то таковой никогда небыло; а о тайной продаже мне ничего неизвестно» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 291 об.-301).

Иеромонах о. Сергей, указал, что он поступил в Херсонесский монастырь только в ноябре 1885 г., поэтому не владеет информацией о раскопках предшествующих лет. По существу вопросов он сообщил: «При поступлении своем я застал производившиеся раскопки Древняго Херсониса по распоряжению Одесскаго Императорскаго Общества Истории и Древностей под распоряжением Настоятеля Херсонисскаго Монастыря Архимандрита Пахомия (Члена означеннаго Общества). Для наблюдения за рабочими и открытием при раскопках каких либо вещей были приставлены им Иеромонах Херсонисский Агафодор и понайму Капитан Григорьев. Означенные раскопки кончены были в декабре месяце тогоже 1885 года и строго по настоящее время ни кем производимы небыли», Все найденные вещи в раскопках отправлены были в скором времени в вышеозначенное Общество. Тайных раскопок и продажи Монашествующими и частными лицами каких либо предметов найденных при раскопках мною замечено небыло» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 300).

Другой служитель монастыря, иеромонах о. Василий, был переведен в обитель в 1884 г. Он также указывает на Одесское общество и настоятеля о. Пахомия, как организаторов раскопок. Кроме того, он добавляет, что не знает, все ли найденные предметы, поступали в монастырский музей или нет. Также, по его словам: «незамечалось ни тайной ни явной продажи каких либо замечательных предметов монашествующими лицами» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 293 об., 299).

Иеромонах о. Агафодор, служивший в монастыре с августа 1885 г. смог дать информацию только о последнем годе раскопок: «В 1885-м году в октябре и ноябре месяце раскопки производились под Моим наблюдением и капитана Григорьева По распоряжению Покойнаго Архимандрита Пахомия. Из находимых вещей Прираскопках лехкия были отправляемы в Одесское Археологическое общество, А более Тяжелые оставались в Монастырском Музее. Раскопок тайных или без ведома Монастырскаго начальства... я незамечал, и невидел, Чтобы кто нибудь из Монашествующих или в Монастыре Живущих занимался продажей древностей» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 306–306 об.).

Самым информативным оказался ответ бывшего монаха Херсонесского монастыря, а в 1887 г. настоятеля Косьмо-Дамиановской киновии иеромонаха о. Иоанна. Он имел непосредственное отношение к проведению исследований в 1880–1883 г. и смог сообщить, что в эти годы «раскопки производились в 1880–1883 г. под моим наблюдением по желанию бывшего Вице-Президента Одесскаго

Общества Истории и Древностей г. Мурзакевича нижними чинами минной роты, лицами же монашествующими, а равно и проживающими на послушании не производились вовсе.

2. В мою бытность производились преимущественно раскопки улиц, а не внутренности зданий и земля не просеивалась, а потому и мало было открыто замечательных предметов древности; приступать к раскопке внутренности зданий по неблагонадежности рабочих и по невозможности наблюдения за ними (так как я небыл свободен от очереднаго Богослужения седмичнаго) я не решался. Все же открытые предметы древности поступили в монастырский музей, лицами же заведывавшими производством раскопок не было взято ни для себя ни для представления в какое либо учреждение никаких предметов древности.

Кроме места раскопок, древности (преимущественно монеты) находимы были разными лицами: на берегу моря, на поверхности земли в саду, по дорожкам, за скотным двором и в других местах; такими, так сказать, случайными находками и производилась в г. Севастополе торговля; раскопок сколько-нибудь значительных, напрямки более ½ арш. глубины и ширины, замечать не было; уследить же за лицами посещавшими монастырскую местность с целию находок не было ни какой возможности; так как они часто являлись во время Богослужения, а если и в другое время, то монастырская местность настолько доступна и открыта со всех сторон, что проследить или поймать кого-либо не было никакой возможности.

Из проживающих в монастыре в то время на послушании замечен был в собирании монет и тайной их продажи посетителям Гордий Ткаченко, который вскорости и был удален из монастыря. По слухам такая же тайная продажа монет производилась минерами, производившими раскопки, но кем и что было тайно найдено и продано совершенно неизвестно; монаху, проживающему в монастыре знать то, что делается в городе совершенно невозможно» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 296 об., 297).

Таким образом, из всех объяснительных записок, составленных монахами, имевшими отношение к раскопкам можно сделать несколько выводов. Во-первых, раскопки всегда осуществлялись в соответствии с планом и на основании указаний руководителей Одесскаго общества истории и древностей (Н. Н. Мурзакевич, В. Н. Юргевич). Во-вторых, находки распределялись только между монастырским древлехранилищем и музеем ООИД. В-третьих, служители монастыря не занимались самовольными раскопками и продажей

артефактов любителям старины (за исключением одного послушника).

Возникает закономерный вопрос: насколько эти документы отражают истинное положение вещей? В сложившихся обстоятельствах было бы вполне естественно, что служители монастыря стремились оправдаться от наиболее серьезных обвинений в их адрес. Кроме того, ими могло руководить чувство корпоративной солидарности, заставившие отрицать факты продажи находок монахами. Однако можно отметить, что о случаях сбыта древностей монашествующими лицами не упоминают в публикациях исследователи конца XIX — начала XX в. (Бертъе-Делагард 1893: 10; Бобринский 1905: 178; Гриневич 1927: 19–23). Е. Э. Иванов сообщает, что находками торговал «приказчик» (вероятно, имелся в виду С. Фролов, с которым в 1884 г. был заключен подряд на осуществление земляных работ) (Иванов 1912: 173). Многочисленные случаи хищения и продажи находок из Херсонеса российским и зарубежным коллекционерам были признаны Одесским обществом, опубликовавшим список таких вещей в Журнале министерства народного просвещения (Императорское Одесское общество... 1885: 108).

В Государственном архиве города Севастополя имеются документальные свидетельства иного рода. В фондах архива хранятся несколько писем 1884 г. вице-президента ООИД В. Н. Юргевича настоятелю Херсонесского монастыря о. Пахомию и монаху о. Иоанну. Из их содержания следует, что уже в начале 1884 г. о. Пахомий известил Одесское общество о случаях кражи находок солдатами минной роты, которые привлекались для раскопок. В письме от 7 февраля 1884 г. о. Пахомию В. Н. Юргевич писал: «Грустного положения наших Херсонисских раскопок нельзя не принимать к сердцу. Странно только, что мы так долго о нем не знали, и не знали бы еще и теперь, если бы Вы не приложили к Отчету о. Иоанна Вашей записочки. Полученное мною затем письмо от подполковника Краузе, писанное как бы в оправдание себя и в обвинение других и присланные шесть вещиц, как будто бы в истину указали где гнездится зло и заставили думать о средствах к его исправлению. Я доложил Обществу, что нужно принять меры и ответил на первых порах г. Краузе, что ближайший надзор за солдатами лежит на их командире, но обратившись за советом к Вам и получив Ваше почтенное письмо я увидел, что нам не приходится иметь дело с военной командой. Вчера принесли мне с почты письмо редактора Севастопольского справочного листка г. Косцюшки, подтверж-

дающее все Вами сказанное, с указанием весьма ценных монет и вещей, которые разошлись в прошлом году по рукам промышленников и любителей. Спасибо ему за то, что мы хоть знаем, что было найдено, и в будущем нашем Отчете помянем хищников чужаго добра. Я не вытерпел и сей час написал письмо к Краузе, уведомляя его, что Общество не намерено дальше производить раскопок с помощью наемных солдат...» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 220–220 об.).

Благожелательное отношение к К. К. Косцюшко - Валюжиничу изменилось после публикации в феврале 1884 г. критической, по отношению к деятельности Одесского общества, заметки в газете «Севастопольской листок». В письме от 23 марта 1884 г. иеромонаху о. Иоанну, кроме извещения о передаче раскопок под его непосредственное руководство, В. Н. Юргевич счел нужным заметить: «Вместе с сим Общество уведомляет что считая необходимым употребить все возможные меры для предотвращения утайки находимых вещей рабочими, оно, независимо от усиления надзора со стороны монастыря, обратилось к попечителю учебного Округа с просьбою оказать Обществу содействие привлечением для наблюдения за рабочими одного из лиц учебного ведомства живущих в Севастополе. Такое наблюдение облегчит Ваш труд, который стал теперь гораздо многосложнее чем прежде. Прося однакож Вас принять его на себя, Общество питает полную надежду, что дело пойдет лучше и над нами не будут насмехаться явно Севастопольские любители, которые называют покупкою наших вещей, украденных рабочими, сбережением Херсонисских древностей» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 225–225 об.).

Таким образом, документально подтверждаются факты продажи артефактов саперами, привлекавшимися к раскопкам в 1882–1883 гг. О хищениях находок служителями монастыря сообщают источники, объективность которых может быть поставлена под сомнение. Так, члены Севастопольского кружка любителей истории и археологии (в том числе К. К. Косцюшко-Валюжинич), приобретавшие вещи из Херсонеса, были заинтересованы показать себя в лучшем свете. Можно, в некоторой степени, согласиться с В. Н. Юргевичем, что они поддерживали практику сбыта предметов из раскопок. Кроме того, они прекрасно понимали, что такая их деятельность была не вполне законной. П. С. Уварова, в своем письме Александру III предлагала передать раскопки одному из археологических обществ, естественно подразумевала МАО. Впол-

не естественно, что она стремилась подчеркнуть упущения предшественников, представить их в самом невыгодном свете.

Докладная записка И. Д. Делянова представляет пример применения скорее командно-административного подхода, характерного для имперской системы управления, чем образец объективного и всестороннего анализа сложной ситуации, возникшей в связи с археологическими раскопками Херсонесского городища. Примечательно, что как министерство народного просвещения, так и Святейший Синод, возглавляемый соавтором И. Д. Делянова К. П. Победоносцевым, имели, как указывалось выше, прямое отношение к организации раскопок памятника. Так как первоначально деньги на исследования выделял Синод, привлечение монастырских служителей не вызывало никаких вопросов. В 1879 г. Одесское общество истории и древностей обратилось к обер-прокурору с просьбой о назначении постоянного наблюдателя за раскопками со стороны монастыря. Вследствие указания из Синода главе Таврической епархии епископом Гурием был назначен иеромонах о. Маркиан (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 73–73 об., 78). Таким образом, вопрос об участии монашествующих лиц в раскопках был решен официально. Можно отметить, что результаты раскопок ООИД в Херсонесе с 1882 по 1885 г. освещались не только в ежегодном «Отчете» общества, но и на страницах «Журнала министерства народного просвещения». При этом в отчетах за 1884 и 1885 г. сообщалось о передаче раскопок в ведение монастыря и об участии монашествующих в исследованиях (Императорское Одесское общество... 1885: 108–110; Императорское Одесское общество... 1886: 1–2). Трудно предположить, что И. Д. Делянов, возглавлявший министерство с 1882 г. не интересовался содержанием официального издания своего ведомства. Идея устройства в Херсонесе музея также была не нова. Создание древлехрани-

лица при монастыре св. Владимира планировал еще архиепископ Иннокентий в начале 1850-х гг. (Тункина 2002: 527). После начала раскопок ООИД в 1876 г. это общество активно содействовало созданию музея «Христианских древностей» в Херсонесе и даже начало сбор средств для строительства специального здания (Летопись общества... 1879: 438; ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 88; 100–100 об.). Меры по сохранению памятника проводились Одесским обществом с начала 1840-х гг., а в период раскопок они осуществлялись наиболее активно и планомерно (Шаманаев 2005: 294–306). Таким образом, принципиально новыми положениями в докладной записке И. Д. Делянова являются предложения о передаче верховного контроля над памятником Императорской Археологической комиссии и увеличении финансирования в 3–4 раза. Судя по всему, при подготовке данного документа его составители не обращались ни в Одесское общество, которое курировало исследования и меры по охране памятника, ни к представителям епархии или монастыря, имевшим прямое отношение к работам на городище. Можно предположить, что судьба раскопок уникального археологического объекта решалась в министерских коридорах столицы фактически без привлечения лиц и организаций, осуществлявших в течение многих лет его исследования и охрану.

Херсонесское городище настолько уникальный и интересный памятник, что 180 лет его изучения дают огромный и бесценный для истории археологии материал. Не вызывает сомнения, что каждый аспект истории исследований этого памятника заслуживает тщательного анализа. Комплекс документов, возникший в 1887 г. в связи с запретом производить раскопки монастырю, представляет не только узко региональный интерес, но и наглядно характеризует проблему взаимоотношений власти, научных организаций и церкви в Российской Империи конца XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертъе-Делагард А. Л. Древности Южной России: Раскопки Херсонеса. *МАР*. 12. — 1893.
Бобринский А. А. Херсонес Таврический: Исторический очерк. — СПб., 1905.
Государственный архив города Севастополя: Краткий справочник. — Севастополь, 2000.
ГАГС. Фонд 19, опись 1, дело 10.
Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь, 1927.
Иванов Е. Э. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. *ИТУАК* 46. — 1912.
Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 году. *ЖМНП* 238: 1885: 107–114.
Императорское Одесское общество истории и древностей в 1885 году. *ЖМНП* 246. — 1886: 1–2.
Летопись общества, с 14 ноября 1871, по 14 ноября 1874 года. *ЗООИД* 9. — Одесса, 1875: 363–366.
Летопись общества, с 14 ноября 1877 по 14 ноября 1879 года. *ЗООИД* 11. — Одесса, 1879: 437–439.
Маркевич А. И. Состав Императорского Одесского общества истории и древностей в 1839–1902 гг. *Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей за 1901 г.* — Одесса, 1902: 1–52.

- Мурзакевич Н. Н. Херсонисская церковь св. Василия (Владимира). *ЗООИД* 5. — Одесса, 1863: 996–997.
 Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1875 г. по 14 ноября 1876 г. — Одесса, 1877.
 Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1876 г. по 14 ноября 1877 г. — Одесса, 1878.
 Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.
 Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб., 2002.
 Шаманаев А. В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в Государственном архиве города Севастополя. *ДАИС* 4. — Екатеринбург, 2004: 251–261.
 Шаманаев А. В. Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40–80-е гг. XIX в.). *АДСВ* 36. — Екатеринбург, 2005: 294–306.
 Юргевич В. Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей. *ЗООИД* 14. — Одесса, 1886: 52–57.

А. В. Шаманаев

УЧАСТИЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ СВ. ВЛАДИМИРА В РАСКОПКАХ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА (1876–1887) В ДОКУМЕНТАХ 1887 ГОДА

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу документов датированных 1887 г. из коллекции Государственного Севастопольского архива. Этот комплекс возник в связи с запретом Херсонесскому монастырю Св. Владимира проводить археологические раскопки античного города. Коллекция включает Указы Таврической духовной консистории, Таврического Святейшего Синода, Таврической Епархии и Севастопольского

градоначальства. Кроме того, она содержит пояснительные записки, написанные непосредственно монахами, которые участвовали в археологических раскопках 1876–1885 гг. Комплекс документов 1887 г. представляет не только локальный (местный) интерес, но также ярко характеризует проблемы взаимоотношений власти, научных организаций и церкви в Российской империи в конце XIX в.

А. В. Шаманаев

УЧАСТЬ СЛУЖИТЕЛІВ МОНАСТІРЯ СВ. ВОЛОДИМИРА В РОЗКОПКАХ ХЕРСОНЕСЬКОГО ГОРОДИЩА (1876–1887 РР.) В ДОКУМЕНТАХ 1887 Р.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена аналізу документів, що датуються 1887 р. з колекції Державного Севастопольського архіву. Цей комплекс виник у зв'язку із заборонаю Херсонеському монастирю Св. Володимира проводити археологічні розкопки античного міста. Колекція включає Укази Таврійської духовної консисторії, Таврійського Святішого Синоду, Таврійської Єпархії та Севастопольсь-

кого градоначальства. Крім того, вона містить пояснювальні записки, написані безпосередньо ченцями, які брали участь в археологічних розкопках 1876–1885 рр.. Комплекс документів 1887 р. представляє не тільки локальний (місцевий) інтерес, але також яскраво характеризує проблеми взаємовідносин влади, наукових організацій та церкви в Російській імперії в кінці XIX ст.

A. Shamanayev

THE PARTICIPATION OF ST. VOLODYMYR MONASTERY MONKS IN EXCAVATION OF CHERSONESOS (1876-1887) ON DOCUMENTS OF 1887

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of documents dated back to 1887 from the collection of the State archive of the city Sevastopol. The documents are based on the prohibition on the archeological excavations for Chersonesos St. Vladimir monastery. The collection includes the orders of the Tauric spiritual consistory, the Sevastopol town governor.

Besides, it includes the autographic explanatory notes of monks who participated in archeological excavations in 1876–1885. The complex of documents 1887 has not only regional interest, but also brightly characterizes a problem of mutual relations of the authority, the scientific organizations and Church in Russian Empire of the end of 19th century.